

Взгляд Яо Ши упал на портрет дочери, и выражение ее лица смягчилось.

«Господин Маркиз». Яо Ши внезапно спросила: «Что ты думаешь о красной отметине на лице Цзяо Цзяо? Она больна?»

Она давно хотела задать этот вопрос, но тогда они с Гу Цзяо были незнакомы, поэтому ей неудобно было спрашивать. Позже, хотя они немного узнали друг друга, она тоже так и не решилась спросить ее об этом.

Маркиз Гу ответил: «Она не больна, в семье говорят, что она родилась с этим, и это у нее с тех пор, как ее принесли из храма. В детстве это было не так заметно, но чем старше она становилась, тем больше становилось и родимое пятно».

«Неправда». Яо Ши нахмурилась и покачала головой: «Я видела свою дочь сразу, как только она родилась, она ничем не отличалась от обычного ребенка, если бы там действительно было родимое пятно, я бы его запомнила».

Глаза маркиза Гу сверкнули: «Неужели я опять ошибся!?»

Может ли быть так, что эта девушка не была моей и Яо Ши плотью и кровью?

«Цзяо Цзяо - моя дочь, я уверена в этом, но я не понимаю, я просто не понимаю, почему ее лицо стало таким».

Акушерка уже умерла, а слуги, окружавшие ее в то время, давно разъехались по родным местам, поэтому некоторое время было трудно понять, где искать свидетелей той злополучной ночи.

Яо Ши задумалась на мгновение, а затем в ее голове вспыхнул свет: «Нет, есть еще один человек, который видел Цзяо Цзяо».

«Кто?»

«Настоятель храма».

.....

Таким образом, они сразу же отправились в храм.

Услышав причину их визита, настоятель почувствовал себя нехорошо: «Что имеют в виду эти два благодетеля? Что значит перепутали? Хотите сказать, что девушка с родимым пятном на

лице - настоящая дочь маркиза?»

В теплом голосе Яо Ши слышался намек на срочность: «Да, настоятель должен был ее видеть. Она дважды приходила в храм, чтобы увидеться с вами».

Было бы странно, если бы настоятель не догадался, о ком идет речь.

Значит, то смутное воспоминание действительно не было просто моим пьяным бредом? И я действительно в ту ночь дрожащими руками пролил на лицо ребенка киноварью геккона?

«О, Господи ... Я согрешил, я согрешил!»

Настоятель со стыдом рассказал о случившемся.

В государстве Чжао во всех богатых семьях, когда рождались дочери, акушерка должна была пометить маленькой точкой руку ребенка киноварью геккона. Слуги, в то время окружавшие Яо Ши, сообщили акушерке об этом.

Однако в сельской местности такой практики не было, и деревенская акушерка совершенно не знала, как это делается. Но она очень не хотела признаваться в том, что не обладает достаточным умением, боясь не получить серебра, поэтому она пошла искать настоятеля.

Если бы настоятель был трезв, он бы не согласился, но в ту ночь младший брат уговорил его выпить глоток вина из цветков груши.

Одного глотка оказалось достаточно, чтобы опьянить его.

Он сказал тогда акушерке, что никогда не помечал ребенка киноварью геккона.

Акушерка ответила: «Но разве ты не делаешь монахам в храме шрамы* на голове? Разве это почти не одно и то же?»

Пьяный настоятель почувствовал, что в словах акушерки есть смысл!

Поэтому он пошел.

И руки у него страшно тряслись.

После того, как все произошло, похоже, что он попытался пойти и найти своего старшего брата, чтобы тот пришел, но на полпути упал и заснул на земле.

Он спал три дня и три ночи, и первое, что он сделал, когда проснулся, это пошел искать Яо Ши, чтобы загладить свою вину. В результате он увидел Яо Ши, держащую на руках девочку, лицо которой было безупречно чистым. Где же следы от пролитой киновари геккона?

Что касается акушерки, то она уже спустилась с горы к тому времени, когда он проснулся, и больше он ее не встречал.

«... Этот бедный монах всегда думал, что это был просто сон».

Маркиз Гу спросил: «А что насчет Сюй Ши? Неужели она не заметила ничего странного на лице ребенка?»

Настоятель сказал: «Благодетельница Сюй после родов была в бессознательном состоянии и очнулась только на следующий день. Этот скромный монах рискнет предположить, что, когда она впервые увидела своего ребенка, детей уже подменили».

Из-за того, что Сюй Ши была без сознания и не могла заботиться о ребенке, акушерка положила детей в одну комнату. Первой родилась Гу Цзяо, а Гу Цзиньюй опоздала на час или два.

Дети были спеленуты в пеленки Яо Ши, поэтому на первый взгляд легко было запутаться.

Деревенская акушерка присматривала за ними, но из-за внезапной боли в животе она пошла в туалет. К тому времени, когда она вернулась, отметина киновари геккона уже присутствовала.

Хотя от акушерки уже нельзя было получить никаких подтверждений, Яо Ши и маркизу Гу не составило труда догадаться, что произошло дальше.

Увидев на лице ребенка пятно киновари геккона, акушерка поняла, что что-то пошло не так, и нашла предлог, чтобы быстро спуститься ночью с горы.

И когда слуги маркизы пришли вынести ребенка, они увидели на лице Гу Цзяо красное родимое пятно, и, зная, что на лице их Молодой Госпожи ничего подобного не было, они приняли ее за ребенка Сюй Ши, как само собой разумеющееся.

После этого Яо Ши заметила, что у ее малышки на руке не было точки, нанесенной киноварью геккона, в тот момент она просто подумала, что слуги не попросили акушерку поставить ее. Вернувшись в столицу, она нашла человека, который нанес на руку Гу Цзиньюй точку киноварью геккона.

Вот, пожалуй, так все и произошло.

После ухода маркиза с супругой настоятель долго не мог успокоиться.

С холодным лицом он отправился в жилые покои младшего брата и застал его, лежащим под деревом и греющимся на солнце, и с праведным негодованием сказал ему: «... Знаешь ли ты, что из-за тебя я совершил большую ошибку!»

Монах отложил буддийские писания, закрывающие его лицо, тем самым открыв красивое и очаровательное лицо, похожее на лицо демона-соблазнителя.

В солнечном свете пара глаз персикового цвета блестела, словно чистейший бассейн с родниковой водой.

На каменной скамье возле его руки покоилась серебряная маска, закрывающая верхнюю половину лица.

Немногие видели его настоящее лицо, настоятель был одним из них, как и маленькая девочка в лесу в тот день.

Он невинно развел руками и мягко рассмеялся: «Как можно меня в этом винить? Я же не знал, что у моего первого в жизни вина будет такое сильное послевкусие?»

Настоятель был в ярости: «Ты все еще отрицаешь это! Ты солгал мне и говорил, что это не вино!»

Монах вздохнул и сказал: «Сколько мне тогда было лет? Я был еще ребенком. Тебя смог обмануть ребенок, разве ты недостаточно умен? Кроме того, я не хотел этого делать, я не был уверен, что у меня получилось сделать вино, я же был еще ребенком и не имел право пить, поэтому я мог только попросить старшего брата попробовать его первым».

Настоятель взорвался: «Ты просил меня проверить вино или яд?!»

Монах невинно сказал: «Эй, старший брат, даже если ты все понимаешь, ты не должен ничего говорить и дать возможность людям сохранить лицо».

Настоятель был очень зол: «Скажи, кто в двенадцать лет все еще называет себя ребенком? Это только благодаря тебе Цзин Кун так докучает людям!»

При упоминании маленького Цзин Куна монах замолчал на несколько секунд, как будто не мог опровергнуть тот факт, что маленький Цзин Кун был особенно проблемным ребенком.

На самом деле этот младший брат в детстве был гением, он постоянно возился с какими-то странными изобретениями, его никто никогда не учил этому. Он всегда спускался с горы,

чтобы поискать что-нибудь интересное, а потом возвращался и возился с этим в одиночку.

Это вино было не самое страшное, что с ним происходило. Однажды он экспериментировал с порошком для отпугивания насекомых и превратил его в мышьяк, которым отравил монахов во всем храме.

Он сам чуть не умер.

Настоятель не раз спрашивал его: Как ты вырос таким?

Монах поджал губы и улыбнулся: «Ну, может, я и обманул тебя однажды, но и ты продал моего ученика, так что теперь мы в расчете!»

Настоятель сказал: «Разве ты не счастлив больше всех от того, что Цзин Куна больше нет в храме? Как мы можем быть квиты?»

Монах развел руками и вздохнул: «Старший брат, я уже говорил тебе о том, что нужно давать людям возможность сохранить лицо. Но я не так уж и счастлив. Я только немного счастлив, в остальном же я грущу».

Настоятель холодно посмотрел на него: «Неужели? Тогда я пойду и приведу Цзин Куна обратно!»

Монах поспешно встал и сказал: «Нет, пожалуй, не надо!»

.....

После того как маркиза и маркиз Гу спустились с горы, Яо Ши попросила кучера отправиться в деревню Цинцюань. Она привезла вещи для двух детей, включая одежду Гу Яня, а также одежду, которую она сама выбрала для Гу Цзяо.

Гу Янь думал, что они приехали, чтобы забрать его обратно в поместье, поэтому ничто не могло заставить его выйти из комнаты.

Яо Ши не оставалось ничего другого, как отдать всю эту одежду в руки Гу Цзяо.

Маленький Цзин Кун находился в школе, поэтому никто не препятствовал маркизу Гу войти, но тут в дверях ему преградили путь несколько цыплят!!

Несколько пищащих цыплят запрыгнули на порог и выстроились, фактически образовав строй!

Они пристально смотрели на него и клевали его, когда он приближался!

Маркиз Гу хотел отпихнуть их, но как только он поднял ногу, цыплята неистово зачирикали!

Яо Ши посмотрела на него.

Он убрал ногу, выпрямил спину и улыбнулся ей!

Маркиз Гу: Этот маркиз никогда бы не поверил, если бы кто-то сказал, что когда-нибудь в этой жизни я проиграю нескольким цыплятам!

Примечание:

* - шрам в виде точки, оставленный сжиганием благовоний на головах буддийских монахов. Помимо церемонии обривания головы, в буддистских монастырях есть еще одна традиция - "очищение сердца". После попадания в монастырь, по истечении некоторого времени, потраченного на учебу, тем, кто показал особые успехи в учении, старший монах наносит первый "цзеба", ритуальный шрам, что называется очищением сердца. Далее, если в течение следующих двух лет монах покажет себя с достойной стороны, то получает право на второй шрам - "лэфу", радость и благополучие Обычно старые монахи за годы службы в монастыре обретают пять-шесть шрамов. В таких важных монастырях, как Шаолинь, можно встретить монахов с восемью или девятью шрамами - "высокоуровневые монахи" или "особого уровня монахи". Десяти шрамов практически не встречается.

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/63867/2063427>